

Янь Пин велел Бай Фану заглушить мотор еще на подступах к складу. Тот послушно нажал на тормоз и погасил фары. Машина мгновенно растворилась в густой ночной темени.

Вскоре сквозь лобовое стекло они увидели блуждающие вдали полосы света. Лишь когда люди с фонарями закончили осмотр и ушли, Бай Фан наконец решился шумно выдохнуть. Сердце колотилось как безумное. Хоть расстояние и надежно укрывало их в темноте, парень все равно испугался до дрожи. Но страх быстро сменился благоговейным восторгом.

«Неужели это и есть та самая хваленая проникаемость? — восхищенно подумал он. — Как в кино, когда просчитывают всё на три шага вперед!»

Обернувшись, Янь Пин наткнулся на этот горящий взгляд. Юноша на секунду замер, затем толкнул дверцу и тихо произнес:

— Я разведу обстановку. Сиди здесь и не высовывайся.

— Брат, я с тобой! — Бай Фан дернулся было следом, но тот одной рукой навалился на дверцу, пресекая любую попытку выйти.

Янь Пин посмотрел на младшего сверху вниз. В его обычно безразличном лице на миг промелькнула холодная сталь. Спокойный, почти тихий голос заставил Бай Фана замереть.

— Жди здесь. Без моего приказа — ни шагу наружу.

Бай Фан послушно закивал. Стоило Янь Пину исчезнуть в темноте, как он уставился в пустоту, провожая его взглядом.

Да, он безмерно доверял брату, но, если признаться честно, почти ничего о нем не знал. А ведь разница в возрасте у них составляла всего месяц.

В смутных, полустертых воспоминаниях раннего детства, еще до появления Янь Пина, та женщина, которую он когда-то звал матерью, совсем не заботилась о нем. Маленький Бай Фан сутками изнывал от голода, обессиленно забившись в самый темный угол. Но еще страшнее голода были побои. Самым жутким кошмаром детства для него стало искаженное злобой, безумное лицо матери, когда на нее находили приступы ярости.

Так продолжалось, пока однажды она не привела в дом маленького мальчика. Тот был одет в нарядный костюмчик и лакированные туфли. Мальчик стоял в проеме, залитом ярким светом, и, поджав губы, молча смотрел сверху вниз на испуганного заморыша в углу. Эта картина навсегда вытеснила из памяти Бай Фана прежний мрак, став единственным ярким воспоминанием тех лет.

Новый жилец почти не разговаривал с ним и дичился, однако время от времени бросал ему

остатки еды или то, что сам не любил. Позже Янь Пин обмолвился, что до этого мать держала его взаперти в загородном поместье, где за ним приглядывала лишь нянька по фамилии Ли.

С тех пор Бай Фан тенью следовал за братом, преданно заглядывая в глаза и без устали повторяя: «Братец, братец...» Так летели дни, складываясь в годы.

И детское упрямство в конце концов растопило лед. Однажды, когда пьяная мать снова замахнулась на Бай Фана, тот в ужасе закричал, зовя брата. И Янь Пин, который прежде лишь безучастно наблюдал за расправами со стороны, внезапно бросился вперед.

Крошечный защитник заслонил его собой. Словно дикий волчонок, он оскалил зубы и зарычал на возвышающуюся над ними безумную женщину.

Спустя какое-то время брат увел его из того ада и поселил в другом месте. Бай Фан до сих пор не понимал, как столь юному ребенку удалось все провернуть, но ту женщину он больше никогда не видел. И это было величайшим счастьем.

Пусть в его жизни не осталось никого, кроме Янь Пина, парень ни о чем не жалел. Тот уединенный дом, где брат появлялся лишь наездами, казался ему самым безопасным уголком на свете.

Огорчало лишь одно: всякий раз Янь Пин возвращался израненным, а его взгляд становился всё более свирепым и диким. Но Бай Фан не боялся. Напротив, он с нетерпением ждал каждой встречи.

Со временем визиты становились всё реже. Сначала раз в два месяца, потом раз в полгода, а под конец они не виделись годами. В глазах брата при редких встречах сквозило лишь леденящее равнодушие.

Но всё изменилось, когда клан Янь пал, и брат в одиночку перебрался из столицы в Облачный город. Он стал мягче. Да, его взгляд оставался холодным, но сквозь эту маску Бай Фан чувствовал заботу.

Парень невольно улыбнулся. Брат ведь запер его в машине только потому, что беспокоился о его безопасности.

Но следом за радостью пришла тревога. Вдруг с ним что-то случится?

Тем временем в машине позади них маялись Цинь Хуань и его приятели. Заметив, что Янь Пин вышел в одиночку, они переглянулись и заговорщически ухмыльнулись.

— Этот придурок наверняка пошел отлить в кусты, — прошептал Цинь Хуань с коварной ухмылкой. — Отличный шанс его проучить.

— Погодите, я включу камеру на телефоне, — проворчал Чжун Нань, не скрывая раздражения.
— Притащил нас посреди ночи в какую-то глушь, заставил тащиться пять часов за ними! Мы просто обязаны ему отомстить.

Бросать дело на полпути было не в их правилах. Они ума не могли приложить, зачем Янь Пин и Бай Фан сорвались в эту деревенскую дыру, но любопытство взяло верх, и парни упрямо сидели на хвосте всю дорогу. Несколько раз они едва не упустили преследуемых, но Чжун Нань проявил чудеса изобретательности и удержал дистанцию.

— Надо обойти машину так, чтобы Бай Фан нас не заметил, — предложил Гу Юань. — Если он закричит, мы не успеем заснять этого пижона со спущенными штанами.

— Идет, — кивнул Ван Сяо.

Прятели бесшумно выскользнули из салона и, пригнувшись, двинулись по следам ушедшего Янь Пина.

Двигаясь сквозь ночной мрак, Янь Пин полностью обострил свои чувства, поэтому сразу уловил шорох шагов позади.

Он на секунду замер, цепким взглядом оценивая особенности местности. Запомнив расположение деревьев и оврагов, он бесшумно развернулся и, пригнувшись, скользнул назад, навстречу преследователям.

По пути сюда они с Бай Фаном пытались оторваться от хвоста, но, увы, плохо знали дорогу и ехали исключительно по навигатору, из-за чего маневр не удался. Теперь пришло время решить эту проблему радикально.

Спустя десять минут незадачливая четверка лежала на траве, намертво связанная собственными шнурками и ремнями. Против опытного бойца их детские попытки сопротивляться оказались жалкими. Разумнее всего было бы вырубить их ударами по шее, но бросать парней без сознания в лесу, кишящем похитителями детей, Янь Пин не рискнул.

Он опустил на корточки и небрежно похлопал разъяренного Цинь Хуаня по щеке. Встретив его полный бешенства взгляд, Янь Пин ледяным тоном произнес:

— Вы хоть понимаете, куда влезли, придурки? Там, впереди, логово банды работоторговцев. У них в заложниках девять маленьких детей. Если вы своими криками спугнете этих ублюдков, готовы ответить за их жизни?

— Лежите смирно и не смейте вякать.

Янь Пин поднялся и растворился в ночной мгле.

Движения Янь Пина становились всё стремительнее. Его дыхание замерло, а сам он словно соткался из теней, став невидимым для случайного взгляда. Глаза юноши потемнели, сливаясь с безлунной ночью.

«Похитители детей. Гнусные твари»

В своей прошлой жизни, еще в детстве, будущий канцлер Янь сам стал жертвой похитителей на празднике фонарей. С тех пор эти твари заняли почетное место в его личном списке негодяев, заслуживающих мучительной смерти. Стоило ему войти в силу при дворе Великой Юн, как он развязал против них беспощадную войну. К тому моменту, как он занял пост главы правительства, этот гнусный промысел в империи был выжжен практически дотла.

Жаль только, что он не успел довершить начатое на родине до того, как очнулся в этом теле.

Подавив секундную досаду, Янь Пин ловко скользнул мимо часовых и бесшумно забрался на крышу заброшенного склада.

Строение оказалось ветхим, крыша местами прогнила, что сыграло ему на руку, позволив без труда разглядеть происходящее внутри сквозь широкие щели.

Внизу, в полумраке, старуха Ли и молодая поделница по очереди караулили пленников. У самого входа дежурили двое мужчин, напряженно вглядываясь в темноту за дверью.

Быстро оценив обстановку, Янь Пин отвел взгляд. Он знал, что среди преступников встречаются типы с обостренным чутьем, способные инстинктивно почувствовать чужой пристальный взор. Рисковать не стоило.

Он проделал этот долгий путь лишь для того, чтобы убедиться, что с детьми всё в порядке. Самому лезть на рожон и в одиночку вытаскивать всех заложников было бы глупо — потом замучаешься объясняться перед местными властями. Ловить бандитов — работа полиции. Его задача — присмотреть за ребятами, пока копы не нагрянут сюда.

Осторожность Янь Пина была вполне оправданной. Старуха Ли действительно обладала звериным чутьем на опасность. Именно эта интуиция не раз спасала её от облав. Для этой старой карги любая полицейская слежка была очевидной, словно за ней наблюдали в упор в ясный день.

Всего банда насчитывала семерых мерзавцев. Четверо дежурили внутри склада, трое караулили снаружи. Четверых из них Янь Пин приметил еще у ворот начальной школы в том самом минивэне. Остальные трое, крепкие взрослые мужики, поджидали поделников здесь, на базе.

Тем временем связанные мажоры на траве обменивались яростными взглядами. Кляпы из

собственной одежды мешали говорить, но многолетняя дружба позволяла им отлично понимать друг друга без слов.

Разумеется, никто из них не поверил рассказам Янь Пина про бандитов и заложников. Они были убеждены, что парень просто поиздевался над ними. Но, опутанные собственными брючными ремнями и шнурками от ботинок, сделать они ничего не могли — узлы держали намертво.

Ночь катилась к рассвету. Похитители, борясь со сном, начали меняться на постах. Около половины второй ночи старуха Ли вышла оправиться в кусты. Вернувшись в душное помещение склада, она шла мимо спящих детей и вдруг резко замерла.

На крыше Янь Пин мгновенно подобрался, его взгляд заledenел. Быстро отправив короткое сообщение Бай Фану, он бесшумно опустился на корточки. Каждая мышца его тела натянулась, как струна — он был готов к прыжку в любую секунду.

Внизу карга резко шагнула вперед и мертвой хваткой вцепилась в запястье симпатичного хрупкого мальчишки. Тот, хоть и должен был крепко спать под действием снотворного, мгновенно распахнул полные ужаса глаза и задергался.

Несмотря на преклонный возраст, силенок у старухи хватало с избытком. Не обращая внимания на жалкие попытки вырваться, она грубо сорвала с его руки ремешок часов. Увидев на обратной стороне мерцающий маячок встроенной системы позиционирования в реальном времени, которая как раз в этот момент отправляла координаты, карга побелела от злости. С диким выдохом она с размаху влепила ребенку тяжелую пощечину.

Мальчик отлетел на грязный пол. Из разбитого рта брызнула кровь вместе с выбитым зубом — удар у старой твари оказался сокрушительным.

Малыш судорожно вдохнул, собираясь закричать, но старуха безжалостно пнула его носком тяжелого ботинка прямо в живот. Ребенок мгновенно согнулся пополам, хватая ртом воздух, и затих, не в силах даже пискнуть от дикой боли.

Малыши по-прежнему спали мертвым сном под воздействием транквилизаторов, но четверо ребят постарше от этого шума проснулись. В ужасе прижавшись друг к другу, они тихонько заплакали. На самом деле они очнулись уже давно, но догадались притвориться спящими. Теперь же сдерживать страх стало невозможно.

Старуха Ли окинула притихших детей свирепым, колючим взглядом и хищно оскалилась:

— Думала пристроить вас в хорошие семьи, сироток, доброе дело сделать... Но раз вы, щенки, доброты не цените — пеняйте на себя.

Она отвесила несколько увесистых пощечин спящим малышам, заставляя их зашевелиться. Оставив одного караульного караулить заложников внутри, старуха скомандовала остальным выйти к минивэну.

Стоило подельникам собраться на улице, как она огорошила их новостью:

— Мы провалились. Легавые уже прочесывают уезд Лусянь.

— Быть не может. Наши люди на въезде в город молчат, — нахмурился коренастый мужик по кличке У-цзы.

— Меньше на своих шестерок надейся, баран, — злобно зыркнула на него старуха и прохрипела. — С ними ты скорее в могилу ляжешь, чем копов заметишь.

У-цзы выругался сквозь зубы и затянулся дешевой сигаретой, не став спорить.

Старуха окинула подельников тяжелым взглядом и швырнула на капот ремешок от детских часов:

— Не верите мне? Эта хрень была на одном из пацанов. Там встроенный GPS-маяк. Ищейки давно засекли сигнал и уже едут сюда. Им до нашей берлоги — от силы полчаса хода.

— Я же велела вам, идиотам, обождать до нитки этих щенков и сжечь все мобильники и цапки! Нет, расслабились, мрази, просмотрели игрушку! Теперь из-за вас вся малина накрылась. Быстро пакуем барахло! Берем детей и уходим тропами через горы. Живее!

На крыше склада Янь Пин мрачнел с каждой секундой. Тот дикий пинок старой ведьмы пришелся мальчишке точно в печень или селезенку. Судя по тому, что ребенок лежал неподвижно и тихо скулил, у него началось внутреннее кровотечение. Медлить было нельзя — пацану требовалась срочная операция.

Если эти твари потащат его глухими горными тропами, до рассвета он просто не доживет.

Пока банда спорила на улице, Янь Пин принял решение. Окна склада располагались под самой крышей, на высоте около пяти метров, из-за чего похитители даже не потрудились их заколотить. Скользнув в узкий проем, юноша бесшумно спрыгнул на земляной пол.

Приземлившись на цыпочки, Янь Пин за долю секунды оказался за спиной оставленного в помещении караульного. Короткий, выверенный удар в основание черепа — и бандит кулем повалился на пол. Убивать его Янь Пин не стал: законы этого мира сурово карали за самосуд, даже если перед тобой был последний ублюдок.

Он подошел к замершим от страха детям и прижал палец к губам, призывая к тишине. Действовать пришлось стремительно. Одного четырехлетнего соню, все еще пребывавшего в наркотическом забытии, он зажал подмышкой. Второго, такого же кроху, взял за шиворот свободной рукой. Мальчишке постарше скомандовал запрыгнуть на спину и крепко обхватить шею ногами. А искалеченного Гу Цзина, который лежал бледный как полотно и едва дышал, Янь Пин бережно примотал к собственной груди обрывками толстой веревки, валявшейся на упаковочном столе.

Навесив на себя четверых детей, он подопнул ногой тяжелый верстак к стене под самым окном. Слегка согнув колени, Янь Пин мощно толкнулся вверх. Взлетев к оконному проему, он железной хваткой вцепился в деревянную раму свободной рукой и единым плавным усилием вытянул себя наружу вместе со всей своей ношей.

Уже стоя на карнизе, он обернулся и бросил взгляд назад, вглубь склада. На него снизу вверх смотрели оставшиеся ребята. В их широко распахнутых глазах застыли отчаяние и горькие слезы.

Но надо отдать им должное — никто не закричал и не позвал на помощь, понимая, что любой лишний звук погубит всех.

Стоило силуэту спасителя раствориться в темноте ночи, как Ван Юй, Ли Цинь и Чжан Сяо отвели полные слез глаза от пустого окна и сжались в комок.

Им тоже было до смерти страшно. Они тоже хотели сбежать. Но эти ребята были уже школьниками, а не глупыми детсадовцами. Они помнили из фильмов и мультиков: если сейчас устроить истерику и потребовать, чтобы их тоже забрали, бандиты услышат шум. Тогда погибнут и спасенные малыши, и тот храбрый дядя, что пришел им на выручку.

— К тому же... К тому же Гу Цзин совсем плох. Он весь в крови. Если его прямо сейчас не унести, он точно умрет, — шмыгая носом, прошептал Ван Юй.

— Но мне так страшно... — тихонько всхлипнула Ли Цинь, размазывая грязь по лицу. — Я боюсь, что эти злые люди сделают мне больно. Вдруг я больше никогда не увижу маму и папу? Но... но зато тот дядя забрал моего младшего братика. Раз мелкий спасся, родители не умрут от горя, даже если меня не найдут... Так что всё хорошо. Правда, хорошо...

Дети тихо плакали, пытаясь подбодрить друг друга в этой жуткой темноте. Вернувшийся к окну Янь Пин застал именно эту картину. На душе у бывшего канцлера заскребли кошки.

Он бесшумно соскользнул с подоконника обратно на земляной пол. Три пары детских глаз уставились на него в немом изумлении.

А тем временем неподалеку от склада, в густой траве, ползком пробирались Цинь Хуань и его банда.

Что за глупость! Наследников богатых столичных семейств с детства натаскивали лучшие инструкторы по выживанию и защите от похищений. В их часах, браслетах и пряжках были спрятаны скрытые лезвия и отмычки, способные вскрыть даже профессиональные наручники, не то что какие-то брючные ремни.

Этот кретин Янь Пин даже не догадался обыскать их! Решил запугать какими-то сказками про работоторговцев. Тоже мне, гроза района.

Сам Янь Пин, конечно, об этих тонкостях воспитания золотой молодежи не имел ни малейшего представления, за что и поплатился своей излишней самоуверенностью.

<http://bllate.org/book/18369/1864229>